

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

1890.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ШЕСТИ ТАБЛИЦЪ И ОДНОГО ПОРТРЕТА).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1891.

Переводы съ персидскаго, турецкаго и арабскаго.

Подражанія Восточнымъ поэтамъ.

Варьяціи на Восточныя темы.

1831 — 1890 г.

СОЛОВЕЙ.

изъ Саади.

1831.

Печально поеть соловей надъ дубровой,
И пѣснь его тонетъ какъ будто въ слезахъ.
Ужь лѣто блѣднѣетъ и вѣтеръ суровый,
Осенній, свистя, зашумѣлъ на поляхъ.
Любовь умерла и тоскливые звуки
Разноситъ по вѣтру пѣвецъ соловей.
Поеть онъ *газель* о мученьяхъ разлуки
Съ любовницей пѣжною, съ розой своей.
«Зачѣмъ ты тоскуешь, пѣвецъ сладкогласный?
На вѣкъ-ли погибла святая любовь!
Весна возвратится и другъ твой прекрасный
Опять разцвѣтетъ и любить будетъ вновь!»
«Я знаю, я знаю, весна возвратится;
Я знаю, и роза опять разцвѣтетъ;
Но знаю-ли я, что со мною случится!
Въ живыхъ меня можетъ весна не найдеть!

ШИПЫ И ЧЕЛОВѢКЪ.

(съ персидскаго)

1833.

«Что хочешь ты? Не розу-ли сорвать?
Попробуй-ка! Мы дерзостную руку
Уколимъ крѣпко! Будешь горевать!
Ты адскую претерпишь муку.
Мы около нея, мой другъ, не для красы!
Сюда насъ ставятъ на часы,
Чтобъ мы нещадно всѣхъ кололи,
Кто къ розѣ съ злымъ намѣреньемъ придетъ!»
А человекъ шипамъ такой отвѣтъ даетъ:
«А я родился для того-ли,
Чтобъ не съумѣть
Препятствія всѣ въ мірѣ одолѣть!
Я пожелалъ, — того довольно!
Что можетъ удержать меня!
Хоть уколюсь, хоть будетъ больно,
А роза все-таки моя,
Хоть и неволью!
Чѣмъ болѣе препятствій на пути
До цѣли той, къ которой я стремлюся,
Тѣмъ мнѣ охотнѣй къ ней идти,
И тѣмъ пріятнѣе, какъ до нея добьюсь». —
И человекъ тутъ къ розѣ подошелъ,
Хоть руку дѣ-крови кололъ,
Хотя шпы всѣ силы напрягали,
Чтобъ розу отстоять, — упрямецъ не отсталъ,
Пока онъ ту, кого шпы оберегали,
Не взялъ.

УГЛИ.

1832.

«Что, братецъ, сдѣлалось съ тобою?
«Что страшно разгорѣлся такъ?
«Иль не доволенъ ты судьбою?»

«Ты весь въ жару, ты покраснѣлъ какъ ракъ!»
Въ углу такъ угли говорил,
Когда одинъ изъ нихъ отъ искры запылалъ.
Онъ имъ треща отъ жару отвѣчалъ:
«Друзья! доселѣ мы хозяину служили;
«Въ огонь готовы для него,
«Какъ часто мы его
«Ожоченѣвшаго зимой отогрѣвали,
«Иль лѣтомъ, мокрую отъ росы пли дождя
«Его одежду осушали!
«И что-жь! Жестокой, онъ о томъ не разсудя
«И всѣ услуги наши забывая,
«Не хочетъ новаго мѣшка для насъ купить!
«Взгляните! этотъ началъ гнѣть!
«Вѣдь это отъ него неблагодарность злая.
«Давайте-ка за то его мы подожжомъ
«И въ пепель превратимъ его и его домъ».
И въ мигъ всѣ уголья зардѣлись,
И пламя снѣе взвилось...
Но только что порядкомъ разгорѣлся,
По комнатамъ угаромъ разнеслось;
И въ домѣ поднялась тревога!
Какъ свѣгъ на голову хозяинъ прѣбѣжалъ...
Открылся заговоръ! Не удалась поджога!
Онъ на безумцевъ наплевалъ;
Безумцы-же немного пошпиѣли,
Потомъ простыли и затихнувъ почерѣли.
Такъ иногда работою своей
Мы любимъ чваниться, заслугу видя въ ней;
Тогда какъ самое простое разсужденье
Намъ показало-бы давно
Въ работѣ видѣть той не подвигъ, а одно
Прямое наше назначенье.
Но въ баснѣ этой есть еще правоученье:
Безспальной ничего мы злобой не возьмемъ;
Скорѣй мы ею привлечемъ
На насъ самихъ позоръ и униженье.

УПОЕНЬЕ.

изъ Бустава Саади.

1834.

Вчера я ночью наслаждался,
Въ мопхъ объятіяхъ *чело луны* была!
Хмѣльной ея любовью я упился
Забывъ вселенную, заботы и дѣла.
Уста ея кораллы и рубины;
Я нектаръ съ нихъ сладчайшій пиля;
Но вѣдь и ядъ отъ нихъ меня бы усладилъ.
Мнѣ душу вѣжили голосъ соловьиный
И взглядъ ея меня на небо уносила.
Я передъ нею весь глаза и уши былъ.
Ужъ день насталъ; а я не пробуждался...
Лишь тотъ, при комъ былъ умъ, его замѣтить могъ!
Вотъ музезина гласъ раздался какъ звонокъ...
Но что-то онъ въ молитвѣ все мѣшался!
Онъ вѣрно какъ и я любовью упоень...
Предметъ его любви?... Въ далекой выси Онъ!
Саади! Вѣрно ты въ фонтанѣ сповидѣнья
Начерпалъ эти сладкія мгновенья.

ЦАРЬ-НАДЕЖА.

изъ Бустава Саади.

1834.

Когда безопасно спитъ владыка на престолѣ,
Не спитъ тогда бѣднякъ, работающій въ полѣ.
Когда-же бодрствуетъ правитель по ночамъ —
Веселье и покой даетъ своимъ сынамъ.
Хвала Всевышнему, обычай этотъ чудный
Имѣетъ Николай¹⁾, царь мудрый, правосудный.
Нѣтъ на Руся тревогъ, никто не видитъ ихъ...
Осталась лишь *Гроза* красавицъ молодыхъ.
Одни стихи мой слухъ пріятно поразили,
Которые вчера прочитаны мнѣ были:

1) Высто: Ата-бекъ-Абу-бекъ.

Вкусялъ, въ ночи, я рай и сладость быгтя —
Въ мовхъ объятяхъ была душа моя!
Ей, упоенной сномъ, я говорялъ: проспешя!
О ты, чей легкой станъ стройнѣ кипариса!
Страхни скорѣ сонъ съ нарцисовыхъ очей!
Какъ роза улыбнись п спой, какъ соловей!
Что спишь, *Гроза* моя? проспешя отъ усыпленья
И сладкаго вина подай для наслажденья.
И вотъ какъ-бы въ бреду мнѣ молвила она:
Меня *Грозой* зовешь! и будишь ото сна?!
Въ дни нашего Царя, надежи всей вселенной,
Не пробудить Грозы, сномъ мертвымъ упоенной.

Изъ Фирдоуси.

изъ Шахъ-намэ. (Тогрулъ бенъ Арсланъ, послѣдній изъ Сельджукидовъ, пѣлъ эти стихи умирая на полѣ битвы).

Пыль взвилася едва въ отдаленнѣ надъ вражескимъ войскомъ,
Страшной покрылися блѣдностью нашихъ героевъ ланнты.
Грозно подъялъ я надъ войскомъ мою боевую сѣкиру!
Воямъ своимъ указалъ я единымъ ударомъ дорогу!
Несся бѣгунъ мой, что слонъ разъяренный, свирѣпый!
Долы, кипя, волновались, что воды шпрокого Нила.

ЯМА.

Какой-то ротозѣй шель по полю путемъ,
Да не путемъ онъ видно нализался!
А можетъ быть то былъ глубокой астрономъ.
И взоръ его къ звѣздамъ недвижнымъ воздымался!
Не знаю, право, я, мыслете-ль онъ писалъ
И мыслями по небесамъ виталъ,
И въ томъ витаннѣ смѣломъ
Судьбы людей по звѣздамъ онъ читалъ!
Но дѣло въ томъ, что онъ былъ занятъ дѣломъ,
Такъ занятъ, что передъ собой
Не разглядѣлъ онъ ямы пребольшой

И чубурахъ въ нее всѣмъ тѣломъ!
И ну кричать: «Ай, батюшки, бѣда!
«Сюда, голубчики, снѣшьте!
«Эй, помогите!
«Расшибся я! Ко мнѣ! Сюда!»
Вѣдь надобно-жь на счастье рогозѣ,
Чтобъ тутъ случайно кто-то проходилъ!
Какъ благодѣтельная фея,
Онъ къ бѣдняку на помощь поспѣшилъ.
Къ нему веревку онъ съ усердьемъ опускаетъ,
Ему онъ за нее хватиться предлагаетъ,
И говоритъ бѣдняжкѣ такъ:
«Берися за веревку смѣло!
«Вотъ видишь я какой! Другому-бъ что за дѣло,
«Что ты кричишь! А я такъ нѣтъ!
«Да ты бы безъ меня здѣсь просидѣлъ сто лѣтъ,
«И развѣ-бъ вѣроны тебя здѣсь услыхали!
«Да ты бы здѣсь истлѣлъ и кости бы пропали!
«Но я, я ближнему всегда готовъ служить!
«Я къ людямъ такъ привязанъ!
«Меия ты, другъ, благодарить
«Всю жизнь свою обязанъ!
«Не забывай-же ты, что я спаситель твой!
«Бери конецъ! Готовъ?» — «Тащи, тащи! Готово!»
— «Ахъ, Боже мой!
«Какой ты легонькій! Да легкаго такого
«Я съ роду не видалъ! Да гдѣ-же ты, злодѣй?
«Вережка здѣсь одна!» — «Я тутъ! Прощай, мой милый!»
Изъ ямы крикнулъ рогозѣй.
«Ужь коли ты изо всей силы
«Кричишь *теперь*, что ты спаситель мой,
«Что случилось-бы со мной,
«Когда-бъ ты спасъ меня на самомъ дѣлѣ!
«Да ты-бъ глаза мнѣ выкололъ тогда,
«И гдѣ-бъ тогда нашель я отъ тебя спасенье!
«И такъ, избавь себя отъ лишняго труда.
«Я лучше ворошамъ останусь на сѣдене».
Когда въ бѣдѣ ты ближнему помогъ,

Не требуй благодарности за это,
И знай, что иногда попрекъ
Спльнѣ бьетъ ружья и пистолета.

ТОСКА.

Тоска моя, единственный мой другъ,
Ты, ты одна со мною неразлучна!
О! безъ тебя я, въ жизни одинокъ,
Скптался-бы какъ легкая пылпка,
Которой на землѣ пріюта нѣтъ!
Она летить, колеблется въ эфирѣ
И наконецъ въ атомы распадется!
Но ты со мной, мой другъ, моя тоска!
Тебя я здѣсь лелѣю, какъ дитяю.
Ты мной живешь, тебя питаю я
Моею неподдѣльною любовью.
Меня страшитъ послѣдній жизни часъ
Не потому, чтобъ смерти я боялся,
Но потому, что разлучусь съ тобой!
Вѣдь ты одна останешься въ семь мірѣ!
Гдѣ ты тогда найдешь себѣ пріютъ?
Ты, сирота, стучаться будешь въ дверя,
Но не пойметъ тебя никто, никто!
Тебя никто, мой другъ, къ себѣ не приметъ.
И съ сердцемъ всѣ сиротку оттолкнутъ.

(Напечатано въ Отечества. Запискахъ 1837).

Изъ Хафиза.

1863.

I.

Какъ только тѣнь твоя упала на меня,
Всѣ радости ко мнѣ стеклись на поклоненье,
И счастье само явилось въ услуженье...
Ужь много, много лѣтъ его не видѣлъ я!

Да! Только лишь, мой другъ, сошелся я съ тобою,
Какъ и оно въ мой домъ влетѣло вдругъ стрѣлою!

II.

О ты, собравшійся въ дорогу,
Будь счастливъ! О тебѣ молюсь я Богу.
Сопутницей всегдашнюю твоей
Пусть милость Неба пребываетъ;
Пусть покровительство прозорливыхъ людей
Твой караванъ ведетъ и направляетъ!

Изъ Саади.

1863.

I.

О царица красоты! Твой незыблемый тронъ
Въ моемъ сердцѣ, ты знаешь, давно водружонъ!
То владѣнье твое ты властна оживить,
Но властна ты его и въ конецъ раззорить.

II.

Ни красота твоя, о другъ мой дорогой,
Ни страсть моя къ тебѣ не могутъ продолжаться.
Такъ будемъ-же сегодня наслаждаться:....
День завтрашній все унесетъ съ собой!

III.

Создавши человѣка, Богъ
Дивился самъ изяществу творенья.
Хвала Ему! Создать одинъ Онъ могъ,
Во всей красѣ Свое изображенье!

IV.

Когда-бъ пзъ облаковъ лилась вода жпвая,
Береза и тогда плодовъ не принесетъ:
Такъ общество безпутныхъ, развращая,
Какъ высохшій тростникъ намъ сласти не даетъ.

СОРОКА И ЕЯ ХВОСТЪ.

Басня,
подражаніе персидскому.

1870.

Извѣстно, что не у однихъ людей,
Аристократовъ мірозданья,
А у живущей твари всей,
У птицъ, у насѣкомыхъ, у звѣрей
И клубы есть, и сходки, и собранья.
Вотъ такъ-то разъ, полдневною порой,
Въ одномъ пернатомъ клубѣ,
Не знаю право націи какой,
Сорокушкѣ одной
Все что-то не сидѣлось. То на дубѣ,
То на клеу немного посидитъ,
И ужъ къ березѣ или соснѣ летитъ.
Всѣ пни, всѣ вѣтви перебрала,
И носикъ чистила, и крыльями махала,
Вертѣлась, прыгала, тряслась — и наконецъ —
«Ахъ мой Творецъ!»
Вдругъ выйдя изъ себя, она застрекотала,
«Сестрицы, нѣтъ, я выносить
«Мученій долѣе такихъ не въ состояннн!
«Какой-то смрадъ стоитъ у васъ въ собраннн!
«Какъ въ воздухѣ такомъ рѣшаетесь вы жить!
«Хоть кто-нибудь бы вздумалъ покурить!
«Въ безпечности нельзя не сдѣлать вамъ упрека,
«Гфу, Господи прости, вѣдь какъ разить!»
И съ этимъ словомъ шырръ! сорока
Вонъ изъ собраннн летитъ,
И поднялась надъ рощею высоко,
Чтобъ высмотрѣть себя другой почище клубъ,
И видитъ, въ городѣ, на крышахъ, возлѣ трубъ,
Кружится птицъ несмѣтное собранье,
И крикъ, и свистъ, и гоготанье!
То лавой къ крышѣ припадутъ
И тамъ равняются по длинному карнизу,
То вдругъ картечью прыснутъ кнпу,

И вновь на крышах тутъ какъ тутъ!
Какія тамъ у нихъ идутъ передвиженья
Представить не берусь соображенья...
Маневры-ли у нихъ или балетъ,
Фонъ Мольтке-ль учить ихъ ловить Наполеона,
Иль движутся они по волѣ Сен-Леона,
Объ этомъ свѣдѣній въ моемъ портфѣлѣ нѣтъ;
Я знаю только, что моя сорока
Прямкнула къ нимъ въ мгновенье ока,
И ну толкаться въ ихъ рядахъ!
Когда усѣлись всѣ, ну и она усѣлась;
Но только что маленько осмотрѣлась,
Какъ обуялъ сороку страхъ...
«Ахти! И здѣсь пеладно!
«Сестрицы, что это!...» воскликнула она,
«Какъ въ вашемъ клубѣ срадно!
«Я неоприятностью такой поражена.
«Вы всѣ пропитаны навозомъ!
«Подумаешь, у васъ навозъ стоять обозомъ!
«Да, пахнете вы гадко, госнода!
«И что за грязное для клуба помѣщенье!
«Нѣтъ, нѣтъ, благодарю за ваше угощенье!
«Занесъ-же чортъ меня сюда!»
И вотъ она опять крылами замахала
И драла!
Поднявшись высоко, на доль она глядитъ,
И видитъ зоркимъ окомъ,
Тамъ, далеко внизу, на берегу высокомъ,
Почтовый путь весь птицами покрытъ,
Другія-жь птицы рѣютъ надъ потокомъ!
И вотъ, падучею звѣздой,
Она спустилась въ эту ассамблею,
Въ увѣренности той,
Что съ нею
Удастся ей ужиться наконецъ,
Что этотъ кругъ порядочно воспитанъ,
Что воздухъ тамъ амброзіей пропитанъ.
Усѣлася въ толпѣ, и что-же, «О Творецъ!»
Кричитъ сорокушка, «Да будетъ-ли конецъ!

«И здѣсь все то же!
«Вѣдь это ужь ни на что не похоже!
«Задохнусь я сейчасъ
«У васъ!
«Сестрицы, пощадите!
«Хоть форточки скорѣе отворите!
«Злой рокъ преслѣдуетъ меня!
«Зачѣмъ не пронеслась я мимо!
«Вотъ въ третій клубъ спускаюсь я;
«И въ третьемъ такъ разитъ невыносимо,
«Что я навѣрное не проживу и дня!»
Тѣмъ временемъ, какъ бѣдная сорока
Взывала къ птицамъ и къ Творцу
И проклинала беспощадность рока,
Какому-то скворцу,
У самага хвоста чечотки,
Овсяное зерно послали небеса.
Хотя скворцы не прочь отъ этакой находки,
Но нашъ скворецъ, не трогая овса,
Залетной птицѣ громогласно
Повель такую рѣчь: «Моя краса!
«Поешь ты Лазаря прекрасно,
«Но ужь на голову здоровую напрасно
«Валишь ты съ головы больной!
«Куда-бы ты не прилетѣла,
«Тебѣ все кажется, что запахъ тамъ дурной.
«А ты-бъ на хвостикъ свой, сорока, посмотрѣла,
«Тогда-бъ уразумѣла,
«Что запахъ тотъ таскаешь ты съ собой!
«Сорокушка! я вижу, что сороки
«Берутъ уроки
«У людей,
«Какъ грязи не видать *своей*,
«И какъ другимъ свои приписывать пороки,
«Ей, ей!
«О птица высшаго полета!
«Смотри, вѣдь на хвостъ твоимъ
«Свалился цѣлый комъ
«Помета!»

ДАЙ ВРЕМЯ!

Восточная сказка.

1878.

Мехмеду вздумалось твердить,
Что может онъ осла заставить говорить!
Нашлись-же люди, что, развѣся уши,
Повѣрили подобной чуши;
И даже во дворцѣ
Ужь стали говорить о нашемъ молодцѣ,
Что вотъ-моль, такъ и такъ! Объ этомъ тарабаря
И до ушей священныхъ государя
Придворные поспѣшно довели;
А государь отъ скуки и вели
Позвать къ себѣ кудесника Мехмеда.
«Ты», молвилъ такъ Мехмеду государь,
Когда предъ нимъ предсталъ знахарь,
«Извольшь, говорить, хвалиться,
«Что можешь-де осла заставить научиться,
«Какъ мы съ тобою говорить.
«Ну что? И вправду сотворить
«Способенъ ты такое чудо?
«Смотри, не лгать, а то вѣдь будетъ худо!» —
— «О міра Божьяго зенигъ!»
Мехмедъ въ отвѣтъ халифу говорить,
«О правовѣрныхъ повелитель!
«Нашъ милосердый покровитель!
«Тебѣ сказали правду. Я не лгу;
«Да! Говорить осла заставить я могу;
«Но мнѣ на это надо время,
«Чтобы взойти могло посѣянное сѣмя». —
— «Ну, а какой-же нуженъ срокъ,
«Чтобъ твердо зналъ осель урокъ?» —
— «Каковъ осель! Коли осель отличный,
«Кладу ему я курсъ пятигодичный». —
— «Эй! Дать ему осла Сирійскаго! Живѣй!»
Воскликнулъ гордый царь царей.
«Вотъ я тебѣ, Мехмедъ, осла даю въ ученье!
«Но въ заключенье

«Тебя я долженъ предварить,
«Что если говорить,
«Черезъ пять лѣтъ, его научишь,
«Сто тысячъ золотыхъ ты отъ меня получишь;
«Но если ты меня морочишь, мильой мой,
«То не прогнивайся, а голова долой!»
Едва промолвилъ царь, какъ п осель явился!
Мехмедъ халифу низко поклонился,
И далѣе не тратя словъ,
Скокъ на осла п былъ таковъ!
Поднявши голову, съ веселою улыбкой,
То рысью, то въ галопъ, то вноходью шибкой
Мехмедъ по улицамъ летитъ
И на прохожихъ съ гордостью глядитъ,
Что вотъ-де мы какимъ студентомъ раздобылись!
Прохожіе дивились...
И то сказать: такимъ осламъ
Могъ подвигаться-бы п не одинъ псламъ:
Масть бѣлая осла какъ серебро сверкала
И лоснилась п солнце отражала;
Грудь бомбою п къ ней прижалась голова;
Надъ головой вѣнцомъ, аршина, право, въ два,
Торчали уши, острыя какъ копыя,
Какъ-бы грозя разнести чалму Мехмеда въ хлопья;
Какъ банникъ, у жерла едпорога, хвостъ
И что за великанскій ростъ!
И полонъ онъ какой-то спѣси барской,
Какъ подобаетъ быть осламъ конюшни царской!
Какой огонь въ его большихъ глазахъ!
И что за грація! И что за прыть въ ногахъ!
Вослѣдъ ему п господа п хамы,
Отвѣшивали всѣ почтительно сѣямы.
Мехмедъ-же на свой счетъ сѣямы припималъ
И безъ оглядки мчалъ,
Спѣша домой. Тамъ жонка молодая,
Соскучившись Мехмеда ожидала,
Дремала у воротъ.
Но вотъ —
Какъ будто отъ раскатовъ грома

Проснулася хозяйка дома...

То громъ ослиныхъ былъ копытъ.

Мехмедъ передъ женой стоить

И на осла мигаеть ей лукаво.

«Что это? Какъ это? Мехмедъ мой милый, bravo!

«Откуда ты добылъ такого молодца?»

И сыпался вопросы безъ конца. —

«Постой-же, душенька, я объясню всю штуку:

«Мнѣ этого осла халичъ отдалъ въ науку.

«Взялся въ пять лѣтъ я научить

«Осла царева говорить.» —

— «Спасибо за услугу!»

Жена кричить забавнику супругу.

«Ты спятилъ, кажется, съума!

«Мила тебѣ, какъ вижу я, тюрьма!

«Кабы тюрьма еще! А то, дрожу отъ страху,

«Ты просто угодишь на плаху!» —

Мехмедъ въ отвѣтъ: «Мнѣ царь и то сказалъ,

«Что если я солгалъ,

«И говорить осла заставить не съумѣю,

«То съ головой своей проститься я имѣю.

«Но ты подумай только объ одномъ,

«Что въ пять-то эти лѣтъ все можетъ стать вверхъ дномъ.

«Иль окачурюсь я, ослоть учитель,

«Иль дубу дастъ самъ повелитель,

«Иль околѣбегъ ученикъ;

«А между тѣмъ... вѣдь срокъ великъ,

«Пусть думаютъ, что я ослоть учу и школю,

«На царскомъ-то ослѣ я покатаюсь вволю!»